

Стратегия «КУЗБАСС-2035»: в гармонии с углем

В.А. КРЮКОВ, доктор экономических наук, чл.-корр. РАН.

E-mail: kryukov@ieie.nsc.ru

Ю.А. ФРИДМАН, доктор экономических наук. E-mail: yurifridman@mail.ru

Г.Н. РЕЧКО, кандидат экономических наук, Институт экономики

Е.Ю. ЛОГИНОВА, кандидат политических наук, Институт экономики
и организации промышленного производства СО РАН, Новосибирск.

E-mail: katrin.2007@mail.ru

Авторы статьи убеждены, что экономика Кузбасса должна строиться на принципах развития регионов сырьевого типа с учётом местной специфики. Анализируются возможности инновационной трансформации угольной отрасли. Доказан ее высокий потенциал превращения в драйвер инновационного развития всей региональной экономики. Выделены основные направления влияния угольной промышленности на общеэкономическое развитие территории. Рассматриваются перспективы формирования углехимического кластера. Анализируется потенциал других секторов экономики, способных оказать заметное влияние на общеэкономический рост (нефтепереработка, добыча метана, туризм, сельское хозяйство, экономика знаний и др.). Показано, что для реализации целей и задач долгосрочной стратегии «Кузбасс-2035» региону необходима модель последовательного и методичного создания высокотехнологичной экономики на основе максимального использования имеющегося потенциала и конкурентных преимуществ региона.

Ключевые слова: Кузбасс; сырьевой регион; модельная территория; сырьевые отрасли; угольная промышленность; стратегия и институты развития; кластеры; угледобыча; драйверы роста

В перспективе до 2035 г. Кемеровская область (Кузбасс) не рассматривается федеральными властями и крупным бизнесом в качестве территории опережающего развития. В этот период в регионе, как следует из действующих документов стратегического планирования, не предполагается реализации международных, национальных либо новых крупных отраслевых, межотраслевых или инфраструктурных проектов. В горизонте двадцати лет основное внимание в России вполне резонно будет сосредоточено на развитии Дальнего Востока, Арктической зоны, Северного Кавказа, Крыма, Северо-Западных регионов – территорий, имеющих геостратегическое значение для страны¹. Среди отраслей предпочтение отдается добыче нефти и газа, строительному и агропромышленному комплексам, оборонной

---

¹ Об этом, в частности, говорится в проекте Стратегии пространственного развития, подготовленном Министерством экономического развития РФ. URL: <https://iz.ru/news/658777> (дата обращения: 15.06.2018).

промышленности и авиастроению, развитию морского и речного флотов, цифровым технологиям. Анонсирована также реализация крупных инфраструктурных проектов (строительство морских и авиационных портов, мостовых переходов), некоторые из которых уже реализуются (например, мост через Керченский пролив, соединяющий полуостров Крым и Краснодарский край). Серьезные государственные и частные инвестиции ожидают науку, образование, здравоохранение. Прямые иностранные инвестиции в настоящее время поступают главным образом в нефтегазовый сектор², а в остальных отраслях носят точечный характер. Зарубежные инвесторы тяготеют к таким проектам в России, как Ямал-СПГ, Северный морской путь, Шёлковый путь, а также развитие Дальнего Востока.

В работах прежних лет (см., например [Фридман и др., 2016, 2017]) мы подробно останавливались на основных вызовах и конкурентных преимуществах экономики Кемеровской области, дискутировали на тему парадигмы и концепции развития региона [Фридман и др., 2016], раскрывали возможности его «экономического ребрендинга» [Фридман и др., 2017]. Мы убеждены: Кузбассу предстоит доказать, что вести бизнес здесь удобно, выгодно и безопасно. И в первую очередь для этого нужно остановить падение уровня жизни, улучшить экологию, оздоровить региональные финансы, снизить давление на бизнес, создать новые институты развития. Решение этих задач во многом будет определяться выбранной моделью развития.

Опираясь на мировой опыт развития ресурсных регионов, опыт стратегического планирования, накопленный в Институте экономики и организации промышленного производства СО РАН (ИЭОПП СО РАН) [Кулешов, Крюков, 2015; Селиверстов, 2013, 2016; Ресурсные регионы..., 2017]), и наши собственные исследования, мы с уверенностью можем констатировать:

- экономика Кузбасса должна строиться на принципах развития регионов сырьевого типа с учётом местной специфики;
- ускорению экономической динамики Кузбасса будут способствовать прежде всего правильно сформированные институты и механизмы управления ресурсным сектором, развитая

---

² Официальный интернет-сайт Банка России. URL: <http://www.cbr.ru/statistics/?PrId=svs> (дата обращения: 27.01.2018).

инфраструктура, проведение активной финансовой политики и политики конкурентоспособности, поддержка принципов локализации, разработка эффективных механизмов трансформации ресурсного богатства в более широкое экономическое развитие [Ресурсная модель..., 2016];

– Кузбассу необходима модель последовательного и методичного создания высокотехнологичной экономики на основе максимального использования имеющегося потенциала и конкурентных преимуществ.

Придерживаясь этой гипотезы, важно в рамках дискуссии по Стратегии развития «Кузбасс-2035» (проект документа был вынесен на общественное обсуждение летом 2018 года³) – попытаться ответить на три вопроса:

– способен ли «уголь» «в одиночку» решить проблему общеэкономического роста региона?

– способен ли углехимический кластер, продвигаемый властями как флагманский проект, выступать драйвером развития региона?

– какие конкурентные преимущества, кроме «угля», можно конвертировать в общеэкономический рост?

Что «под силу углю»?

Ни в настоящее время, ни в обозримом будущем в Кемеровской области нет серьезной альтернативы сырьевому (и в первую очередь угольному) пути развития экономики. Главная проблема, которую необходимо решить региону, заключается не в отказе от ресурсного направления роста, а в формировании его нового качества, включающего не только и даже не столько «монетизацию», сколько «социализацию» получаемых эффектов – конвертацию инноваций не только в прибыль инвесторов, но и в качество жизни населения. В регионе нужно реализовать основной принцип гармоничного развития сырьевых территорий, практикуемый многими странами от Канады и Норвегии до Австралии: *добыча ресурса есть инструмент развития территории!* Сейчас, увы, в Кузбассе территория, в основном, воспринимается как один из инструментов максимизации дохода от добычи ресурса. Необходимо *изменить*

---

³ Проект Стратегии социально-экономического развития Кемеровской области на период до 2035 года. URL: <http://кузбасс-2035.рф/discussion> (дата обращения: 20.07.2018).

имидж региона. Кузбасс – это не угольная кладовая страны. Уголь и другие ресурсы – это в первую очередь источник роста благосостояния людей, проживающих на территории региона⁴.

К сожалению, некоторые эксперты считают, что угольная промышленность в принципе не может выступать драйвером развития Кузбасса и роль «механизма трансформации», о которой говорилось выше, ей не по плечу. Вот, например, что по этому поводу пишут специалисты Федерального исследовательского центра угля и углехимии (ФИЦ УУХ) СО РАН: «...Создаваемые в регионе цепочки добавленной стоимости сформированы на основе добычи и обогащения угля. Экспортно-ориентированная модель развития привела к тому, что в регионе сосредоточены в основном первые производственные стадии с минимальным числом производственных узлов (центров), которым свойственны такие черты, как капиталоемкость, низкий спрос на высокопроизводительную рабочую силу, научные исследования и разработки, незаинтересованность в развитии смежных и обеспечивающих производств. Именно этим объясняется невосприимчивость региона к инновациям, устойчивость его моноотраслевой структуры, сложности диверсификации экономики» [Никитенко, Гоосен, 2017. С. 112].

С нашей точки зрения, такая позиция является ошибочной по следующим соображениям. *Во-первых*, хотя исторически цепочки добавленной стоимости в регионе строились на базе угля (уголь – кокс – коксовый газ, фенол, бензол, парафины – аммиак, этилен, пропилен – аммиачная селитра, органика – взрывчатые вещества, пластмассы, красители, фармацевтика), в 1970-х гг. уголь уступил место природному газу (природный газ – аммиак, капролактамы – аммиачная селитра, химические волокна, ткани). Таким образом, уголь как исходный продукт не влияет на выстраивание цепочек в других отраслях, где в основе находятся природный газ и нефть.

Во-вторых, «экспортно-ориентированная модель» – это не цель, а результат оптимизации моделей угольного бизнеса.

В-третьих, если мы говорим о виде экономической деятельности «добыча топливно-энергетических полезных ископаемых» (для Кузбасса, по сути, синоним «угольной промышленности»),

---

⁴ Уместно напомнить о кардинальном различии в социальной сущности регионов и фирм. Мы склонны поддерживать следующую точку зрения: регион – это в первую очередь социальная система; фирма – производственная.

то товарным продуктом угольной отрасли является уголь. Но и инновационным ее продуктом, по нашему мнению, тоже является уголь, хотя и немного другой – получивший в результате «сухой» или «мокрой» переработки и обогащения новые свойства (характеристики) и тем самым значительно увеличивший свою рыночную стоимость. По оценке экспертов, «в цене реализации угля конечному потребителю добавленная стоимость, которая может быть отнесена к угольной промышленности, составляет 10%» [Казаков и др., 2017. С. 49]. По нашим оценкам, добавленная стоимость составляет не менее 15–20%. Сегодня обогащение угля⁵ – снижение его зольности и повышение калорийности – является высокотехнологичным процессом, в котором используются современные технологии разделения смесей, сушки, отжима, большое количество катализаторов. Это наукоёмкие технологии, требующие привлечения высококвалифицированной рабочей силы. В Кузбассе на данный момент действуют 54 обогатительные фабрики и установки⁶, многие из применяемых технологий обогащения не имеют аналогов в мире. Более половины обогатительных мощностей созданы в последние 10–15 лет, в планах на ближайшую пятилетку строительство еще 8 обогатительных фабрик⁷.

По нашим оценкам, в 2016 г. объём производства валовой добавленной стоимости (ВДС) на одного занятого в целом по Кемеровской области составил 0,71 млн руб./чел., в машиностроении – 0,64 млн в химической промышленности – 1,15 млн в металлургии – 1,73 млн в угольной промышленности – 2,32 млн руб./чел. При этом в угольной отрасли достаточно высока доля специалистов с высшим профессиональным образованием – 22,2% при 22,7% в обрабатывающих отраслях и 28% по экономике региона в целом (данные за 2016 г.). Капиталоемкость рабочего места здесь в четыре раза выше, чем в среднем по экономике региона, но и финансовая результативность одного рабочего места в восемь раз (!) превосходит средний показатель. По показателю бюджетной эффективности рабочего места угольная

---

⁵ Уголь, прошедший такие виды переработки как дробление и сортировка, нельзя отнести к инновационным продуктам.

⁶ Официальный интернет-сайт администрации Кемеровской области. URL: <https://ako.ru/news/detail/sergey-tsivilev-otkryl-v-kemerove-biznes-forum-dlya-predpriyatiy-ugolnoy-promyshlennosti-rossii> (дата обращения 25.09.2018).

⁷ Там же.

промышленность почти в три раза превышает региональный уровень (табл. 1). И это при том, что на некоторых угольных предприятиях Кузбасса до сих пор не завершен процесс «прихода к власти» эффективных собственников.

Таблица 1. Индикаторы эффективности развития некоторых секторов экономической деятельности в Кемеровской области в 2016 г.

Показатель	Экономика региона, всего	Сектор производственной деятельности			
		угольный	химический	металлургический	машиностроительный
Производство ВРП (ВДС) на одного занятого, млн руб./чел.	0,71	2,32	1,15	1,73	0,64
Капиталоемкость рабочего места, тыс.руб./чел.	129,7	533,2	132	62,4	27,9
Финансовая результативность рабочего места, тыс.руб./чел.	110,7	932,8	722,6	294	71,6
Бюджетная эффективность рабочего места, тыс.руб./чел.	75,6	214,6	84,3	166,3	74,1

Источник: рассчитано авторами по данным Кемеровостата и отчетности ФНС по Кемеровской области.

Таким образом, можно утверждать, что угольная промышленность Кузбасса уже «нащупала» инновационную траекторию своего развития. В ближайшие 15–20 лет необходимо развивать обогащение угля (довести его уровень до 90–100%), основное внимание уделить применению оборудования большой единичной мощности, использованию новых систем контроля и управления, онлайн методов диагностики оборудования и т.п. – в конечном итоге должна быть обеспечена цифровая трансформация отдельных угольных компаний и отрасли в целом.

Итак, альтернативы угольному пути развития Кузбасса нет и не предвидится. Вопрос в том, *как инновационное развитие угольной промышленности конвертировать в экономический рост самого региона и уровня жизни проживающих в нем людей?*⁸

В настоящее время этот процесс идёт по нескольким направлениям.

- *Оплата труда «шахтёров».* Среднемесячная заработная плата в Кемеровской области составила в 2017 г. в среднем 32,6 тыс. руб. (по России – 39 тыс.). В угольной отрасли средняя

⁸ Мы не рассматриваем здесь проблемы зависимости угольной промышленности Кузбасса от цен на мировых рынках, политики государства в области ТЭКа и т.п.

зарплата – 52,2 тыс. руб. в месяц, что в 1,6 раза выше регионального показателя, и на треть – российского. При этом существуют резервы ее увеличения. Если вклад угольной промышленности в консолидированный бюджет Кемеровской области по налогу на прибыль составляет почти 60% (2017 г.), то по налогу на доходы физических лиц – лишь около 20%. Власть каждый год требует от собственников бизнеса повышения зарплаты работников. Однако, учитывая низкую базу, ежегодная индексация выплат «на величину инфляции» не решает проблемы недооценённости шахтерского труда.

• *Налоги и платежи.* «Угольные» налоги, как показывают наши расчеты на основе данных ФНС, имеют принципиальное значение для формирования доходной части бюджета Кемеровской области: отрасль обеспечивает более трети всех его налоговых поступлений (2017 г.), из них примерно 20% (против 9% в 2016 г.) приходится на налог на прибыль, 7% – НДС, 4,5% и 3% – налог за пользование природными ресурсами и налоги на имущество соответственно. Проблема в том, что основной массив этих поступлений формирует налог на прибыль. Поэтому когда мировые цены на уголь идут вверх, регион «снимает сливки» с доходов угольных предприятий (например, в 2017 г. последние перечислили в региональный бюджет 26,7 млрд руб. только по этому налогу), но если цены падают, Кузбасс недополучает миллиарды рублей и залезает в долги. Так, за 2012–2016 гг. совокупные поступления по налогу на прибыль угольных предприятий составили всего 31,5 млрд руб. Необходимо изменить налоговое администрирование, чтобы придать региону уверенность в завтрашнем дне. Например, существенно увеличить региональную долю при распределении НДС платежей за пользование природными ресурсами.

• *Экология.* Угледобыча находится в первой десятке отраслей, оказывающих наибольшее негативное воздействие на окружающую среду⁹. Между тем в Кузбассе производится около 60% всего добываемого в России угля. На начало 2018 г. добычу угля в Кемеровской области вели 42 шахты и 51 разрез¹⁰. По итогам

⁹ Программа развития угольной промышленности России на период до 2030 года. URL: <https://minenergo.gov.ru/node/433> (дата обращения: 18.10.2017).

¹⁰ URL: <https://ako.ru/news/detail/v-2017-godu-ugolshhiki-kuzbassa-vydali-na-gorabolee-241-5-mln-tonn-chernogo-zolota> (дата обращения 30.08.2018).

2017 г. в Кузбассе добыто 241,5 млн т угля (прирост к 2016 г. на 6,2%). По данным регионального департамента угольной промышленности, в 2018 г. планируется добыть 273,4 млн т угля, в 2019 г. – 297,4 млн т, перспективы к 2020 г. – около 300 млн т, к 2025 г. – до 340 млн т, к 2035 г. – 370 млн т и больше¹¹. Заметим, на протяжении последних лет неоднократно заявлялось, что экологический порог добычи угля в регионе, по разным оценкам, составляет около 200 млн т в год. Естественно, наращивание объемов добычи и обогащения угля увеличивает техногенную нагрузку на окружающую среду. Выполняемых природоохранных мероприятий явно недостаточно, чтобы компенсировать наносимый отраслью экологический вред. По официальным данным, например, общая площадь нарушенных земель в Кемеровской области составляет 71,4 тыс. га, из них 66 тыс. га – при разработке угольных месторождений. Во внешних отвалах размещено более 17 млрд т вскрыши¹².

Дальнейшее наращивание добычи и строительство новых угледобывающих предприятий в Кемеровской области вызывает опасения экологов и региональных властей, провоцирует протестные настроения у местных жителей. В декабре 2017 г. губернатор Кемеровской области А.Г. Тулеев выступил за отмену выдачи лицензий на добычу угля на территории региона¹³. Позже, в марте 2018 г. в интервью РИА «Новости» он довольно эмоционально пояснил свою позицию по этому вопросу: «<...> я против новых лицензий на угледобычу. Нас лишили права влиять на это. Раньше было два ключа: без региональных властей Минприроды не имело право продавать, а сейчас на нас чихать. Я считаю, того, что мы добываем (200–240 млн т угля в год. – Прим. РИА «Новости»), достаточно. Должен быть экологический предел. Нельзя в одном месте, в одном регионе добывать столько угля, а если идем на это – должны быть жесточайшие требования к экологии, которые необходимо выполнять, и без этого никаких лицензий выдавать не нужно»¹⁴.

---

¹¹ Матющенко Ю. Кузбасс поддаст угля // Коммерсантъ (Новосибирск). № 146 (16.08.2018). URL: <https://www.kommersant.ru/doc/3714241> (дата обращения 19.08.2018).

¹² URL: <http://kemoblast.ru/news/prom/2018/02/13/v-2017-godu-ugolshhiki-kuzbassa-vydali-na-gora-bolee-241-5-mln-tonn-chernogo-zolota.html> (дата обращения: 18.02.2018).

¹³ URL: <https://www.rbc.ru/rbcfreeneews/5a33eb739a7947248a1a3a13> (дата обращения: 16.12.2017).

¹⁴ URL: <https://ria.ru/interview/20180306/1515770020.html> (дата обращения 07.03.2018).

Тезис о необходимости учитывать мнение региона и вернуть принцип «двух ключей» при выдаче лицензий на угольные участки в Кузбассе стал одним из ключевых и в риторике нового главы Кемеровской области С.Е. Цивилёва: «Мы бы хотели добиться, чтобы без нашего решения лицензия не выдавалась, а у региона было право включить в лицензию перед выдачей нужные ему обременения»¹⁵, – заявил он в июле текущего года.

- *Угольный бизнес берет на себя «добровольную» социальную нагрузку.* С ключевыми инвесторами в экономику Кемеровской области – преимущественно, крупными компаниями топливно-энергетического комплекса – региональная администрация ежегодно заключает договоры о социально-экономическом сотрудничестве. Такая практика появилась в начале 2000-х гг. и постепенно получила развитие на муниципальном уровне – с участием среднего бизнеса. Исходя из того, что «предприятия должны заботиться о своих сотрудниках», областные власти подписывают в год несколько десятков соглашений, закрепляющих обязательства бизнеса перед работниками (по сохранению и созданию рабочих мест, заработной плате, социальным гарантиям и т.п.), перед местным сообществом (по финансированию ЖКХ, социальных объектов), и перед властью (по инвестиционным программам, финансированию ее мероприятий) [Курбатова и др., 2005].

- *Угольный бизнес выступает «заказчиком» развития науки и образования.* Как ни парадоксально, но обладая некогда мощнейшей отраслевой наукой (особенно в угольной, химической, машиностроительной отраслях), Кузбасс лишь в конце «нулевых» приступил к формированию регионального научного центра, призванного удовлетворить потребности угольной и углехимической промышленности в фундаментальных разработках. С этой целью в 2015 г. в Кемерове образован Федеральный исследовательский центр угля и углехимии СО РАН в составе Института угля, Института углехимии и химического материаловедения, Института экологии человека. В 2007 г. создан Кузбасский технопарк, одна из задач которого – «содействие переходу предприятий региона на новый технологический уровень». За 2010–2016 гг. технопарк поддержал 60 компаний-резидентов, реализующих проекты, в том

---

¹⁵ Джумайло А. Для угля подбирают «второй ключ» // Коммерсантъ. (10.07.2018). URL: <https://www.kommersant.ru/doc/3681904> (дата обращения 15.07.2018).

числе для угольной отрасли (их совокупная выручка составила 14,5 млрд руб., объем налоговых отчислений – 2,6 млрд руб., суммарный объем инвестиций – 11 млрд руб.). За 2010–2016 гг. создано 1705 новых рабочих мест¹⁶.

• *«Угольные» деньги работают в других секторах кузбасской экономики.* В настоящее время на «угольные деньги» в Кемеровской области создаются новые отрасли и кластеры – переработка нефти, туристический бизнес, в значительной степени развиваются агропромышленный комплекс (АПК), жилищное строительство и ряд других отраслей. Однако этот процесс сложно назвать управляемым и системным, поскольку в основе каждого такого проекта лежит скорее личная инициатива представителей крупного бизнеса, диверсифицирующих вложения. Вот несколько показательных для региона примеров.

На юге области, в Горной Шории, со второй половины 2000-х гг. ведется активное *развитие туристской зоны*, на частные средства построен и действует горнолыжный комплекс «Шерегеш». Основной инвестор – Группа компаний «Каскад», принадлежащая семье основного акционера ПАО «Кузбасская топливная компания» И. Ю. Прокудина¹⁷.

Инвесторами крупнейшего в регионе *Яйского НПЗ* на севере области выступили бывшие совладельцы и топ-менеджеры компании «Южкузбассуголь» Ю. П. Кушнеров и А. Н. Говор¹⁸. Причем бизнес-интересы обоих не ограничиваются только нефтяной отраслью. Так, по данным СМИ¹⁹, А. Н. Говор развивает в СФО сети заправок «Лукойл» (по франшизе), имеет крупные проекты в строительстве, ресторанном бизнесе (его компания – партнер международной сети McDonald's).

Холдинги «Уральская горно-металлургическая компания» (УГМК) и «Сибирский деловой союз» (СДС), в состав которых в Кузбассе входят крупные угольные предприятия, имеют в регионе также *мощные строительные «дивизионы»*. Аффилированное

¹⁶ URL: <http://technopark42.ru/news/ob-innovatsionnoy-deyatelnosti-ao-kuzbasskiy-tehnopark-za-period-2010-2016-gg> (дата обращения 05.03.2018).

¹⁷ URL: <http://realty.interfax.ru/ru/news/articles/68205/> (дата обращения: 05.03.2018).

¹⁸ *Кушнеров Ю.* Я люблю начинать с нуля и получать в конце удовольствие // Авант-ПАРТНЕР Рейтинг. 2008. № 3. URL: <http://www.avant-partner.ru/rang/102.html> (дата обращения: 05.03.2018).

¹⁹ *Заушицина Б.* Совдепия всем надоела // Эксперт-Сибирь. 2015. № 41–42 (463). URL: <http://expert.ru/siberia/2015/42/sovdepiya-vsem-nadoela/> (дата обращения: 01.03.2018).

с УГМК ООО «Проград» – один из ведущих застройщиков г. Кемерово²⁰. Строительный дивизион СДС включает в себя комплекс предприятий, охватывающий все этапы жилищного строительства: от производства стройматериалов и возведения зданий до управления жилым фондом²¹.

Вместе с тем и масштабы, и качество трансформации угольного «богатства» в экономическое развитие региона и уровня жизни проживающего на его территории населения совершенно не достаточны. И дело не только в непредсказуемости объемов финансовых поступлений с его стороны. Главное – в регионе отсутствует система трансформации угольных доходов в общеэкономическое развитие. Нет эффективных, в том числе общественных институтов и механизмов управления «угольным кластером».

По нашему мнению, в рамках работы над Стратегией «Кузбасс-2035» должна быть сформирована специальная программа и дорожная карта, цель которых – определить и реализовать механизмы (экономические, экологические, финансовые, налоговые) *прямой зависимости* между объемами добычи сырья и ростом уровня жизни населения региона.

В программе должны найти решение следующие важные для региона задачи:

- (а) вернуть в регион право распоряжения сырьевыми ресурсами и выдачи лицензий на добычу полезных ископаемых;
- (б) создать региональный экологический фонд;
- (в) увеличить степень локализации в смежных отраслях (химия, машиностроение);
- (г) создать региональный фонд – «подушку безопасности» – на случай снижения цен на уголь на мировых рынках.

Углекислотный кластер: мифы и рифы

Совершенно очевидно, что через 10–15 лет угольный бизнес в Кузбассе войдет в «зону повышенной турбулентности». И основная причина даже не в том, что резко снизится потребность в угле и рухнут мировые цены на него (теоретически возможно и то, и другое), а в том, что у Кузбасса появляется мощный конкурент в борьбе за азиатские рынки в восточных

²⁰ См.: URL: <http://www.progrand.ru/about/> (дата обращения: 05.03.2018).

²¹ См.: URL: <https://hcsds.ru/structure/construction-industry/> (дата обращения: 05.03.2018).

районах страны, где при поддержке государства частный бизнес интенсивно развивает угледобычу.

В этой связи в качестве флагманского (прорывного) проекта власти Кемеровской области рассматривают формирование угле-химического кластера, целью создания которого является «усиление конкурентоспособности региональной экономики за счет внедрения результатов НИОКР, привлечения инноваций и мирового опыта в сфере комплексной переработки угля и отходов, получаемых при его добыче, обогащении и сжигании»²². Развитие кластера призвано «изменить технологическую платформу угольной промышленности... и осуществить переход от конкурентных преимуществ угольной отрасли, основанных только на стоимости угля и рабочей силы, к конкурентным преимуществам на основе новых технологий и продукции с высокой добавленной стоимостью. В результате в России будет сформирован принципиально новый вид экономической деятельности, где уголь будет являться *началом цепочки по формированию добавленной стоимости*»²³.

В стратегическом отношении «химический» способ монетизации угольной отрасли представляется наиболее эффективным. Нельзя исключать, что в перспективе 30–50 лет появятся условия (экономические, финансовые, и технологические) для углехимического производства синтетического жидкого топлива (СЖТ) и полимерных материалов. Сегодня большинство крупных угледобывающих стран (США, Китай) лишь «прощупывают» эти направления, опасаясь делать на них ставку, пожалуй, лишь ЮАР остается верен идее химической переработки угля. Направлению, действительно, еще далеко до прорыва. Все имеющиеся в мире технологии производства СЖТ из угля чрезвычайно затратны (не менее 5 млрд долл. на 1 млн т СЖТ), водоёмки (10–12 т воды на тонну угля), экологически опасны (выбросы CO₂ на порядок выше, чем при производстве топлив в нефтепереработке). Но это лишь подстегивает энтузиазм российских инноваторов в данной сфере²⁴.

²² *Инвестиционный паспорт Кемеровской области*. 2017. С. 20. URL: <http://keminvest.ru/ru/pages/54532c3444656235ef020000> (дата обращения 06.04.2018).

²³ Программа развития пилотного инновационного территориального кластера «Комплексная переработка угля и техногенных отходов» в Кемеровской области на 2014–2020 гг. URL: <http://docs.cntd.ru/document/424036085#loginform> (дата обращения 28.12.2017).

²⁴ URL: <http://www.e-news.su/news/215007-specialisty-urala-i-kuzbassa-sozdali-mini-zavody-proizvodiyaschie-deshevuyu-sinteticheskuyu-neft-iz-ugley.html> (дата обращения: 01.03.2018).

Тем не менее мы считаем утопичными прогнозы разработчиков концепции углехимического кластера о том, что к 2020 г. в Кузбассе будет газифицировано для получения химических полупродуктов 58 млн т угля, а объем продаж продукции глубокой переработки угля (без учета экспортных поставок и стоимости получаемой электроэнергии) превысит 220 млрд руб. (в ценах 2011 г.). По итогам 2016 г.²⁵ годовой ВРП Кемеровской области составил 858 млрд руб. (или 677 млрд руб. в ценах 2011 г.)²⁶.

Здесь уместно напомнить следующее: позиция региональной власти выглядит достаточно взвешенной. Те специалисты, которые воспринимают ее посыл о необходимости монетизации ресурсов как призыв к немедленному и повсеместному созданию энерготехнологических и углехимических комплексов, не учитывают, что речь идет о *долгосрочной стратегии*. Власти Кузбасса отдают себе отчет в том, что если сегодня не обозначить проблему, она и через 30 лет не будет решена. По нашей оценке, только на подготовку региона к «мягкой посадке» крупных комбинатов по глубокой переработке угля потребуется не менее 10–15 лет. Если инвесторы захотят рискнуть и уже сейчас начать строить бизнес по законам углехимического кластера, они, безусловно, получают поддержку региональной администрации, однако, как показывает практика, дальше инвестиционного меморандума в этом направлении ни один из них пока не продвинулся. То, что власти Кузбасса одновременно продвигают метановый проект – это ни в коем случае не обман и не смена приоритетов. Но не надо быть пророком, чтобы понять: в случае реализации метанового проекта углехимический кластер претерпит существенные структурные изменения и имеет все шансы превратиться в совокупность рутинных проектов по глубокой переработке угля.

Какие конкурентные преимущества Кузбасса можно за два десятилетия конвертировать в общеэкономический рост?

Экономика Кемеровской области десятилетиями строилась на принципах комбинирования производства (в современной терминологии – принципах кластерного подхода и цепочек

---

²⁵ Последние утвержденные официальные отчетные данные Росстата по ВРП на текущий момент.

²⁶ Данные Кемеровостата и расчеты авторов по ним.

добавленной стоимости). В XX веке здесь были сформированы мощные угольно-металлургический и угольно-химический комплексы. Например, г. Новокузнецк – кластер черной и цветной металлургии (два металлургических комбината, алюминиевый и ферросплавный заводы, отраслевые научно-исследовательские и проектные институты, высшие учебные заведения, техникумы); г. Кемерово – один из крупнейших в России химических кластеров как минимум с шестиуровневыми цепочками добавленной стоимости. Таким образом, в регионе накоплен огромный опыт создания производственных цепочек в базовых отраслях. Конечно, в последние два десятилетия в развитии этих отраслей произошли глубокие структурные и институциональные изменения:

- снизился *спрос* на некоторые виды товарной продукции, изменилась структура сырья;

- изменилась *стратегия управления* важнейшими сферами экономики страны, такими как военно-промышленный комплекс;

- некоторые производства *морально и физически устарели*;

- все предприятия кластеров *приватизированы*;

- некоторые производства закрыты по соображениям *экологической безопасности*;

- изменились *модели управления* предприятиями, мотивация владельцев и менеджмента предприятий, а также методы их конкурентной борьбы.

Однако «*кластерная идеология*» – это один из факторов, который и сегодня объединяет власть, бизнес, науку и общество.

По оценке региональных властей, к настоящему моменту в Кемеровской области созданы и успешно действуют четыре кластера²⁷:

- 1) инновационный территориальный кластер «Комплексная переработка угля и техногенных отходов»;

- 2) биомедицинский;

- 3) агропромышленный;

- 4) туристско-рекреационный.

Признавая важность кластерной политики для повышения эффективности управления экономикой, мы считаем, что это лишь один из методов организации экономической деятельности.

---

²⁷ Инвестиционный паспорт Кемеровской области. 2017. URL: <http://keminvest.ru/ru/pages/54532c3444656235ef020000> (дата обращения 06.04.2017).

По нашему мнению, новые «точки роста» возникнут как результат конвертации конкурентных преимуществ региона в общеэкономическое развитие.

В Кузбассе в перспективе 20–25 лет складывается уникальная ситуация: по прогнозам, в регионе будет ежегодно добываться не менее 350 млн т угля²⁸, до 4–5 млрд м³ угольного метана²⁹, производиться до 10 млн т продуктов нефтепереработки³⁰. Фактически он станет единственным в России регионом, который может предоставить инвесторам всю гамму углеводородного сырья «уголь – нефть – природный газ – угольный метан». Это единственный реальный путь привлечения в региональную экономику (помимо добычи угля) сколько-нибудь серьезных инвестиций.

Нефтепереработка. Строительство в Кемеровской области небольших нефтеперерабатывающих предприятий, не входящих в крупные вертикально интегрированные холдинги, изначально шло при поддержке властей и было мотивировано необходимостью снижения зависимости региона от внешних поставок моторного топлива, созданием ценовой конкуренции на этом рынке и организацией новых рабочих мест. Основной потребитель нефтепродуктов в Кузбассе (более 60% дизельного топлива) – предприятия горнодобывающей промышленности³¹. Предполагалось, что производство ГСМ практически на месте их потребления позволит снизить транспортную составляющую в цене на 10%.

Сегодня в Кемеровской области работают 10 НПЗ с установленной мощностью переработки 5,5 млн т нефти в год³². Суммарная проектная мощность самых крупных из них – Яйского НПЗ, завода «Северный Кузбасс» и «Анжерского НПЗ» – составляет около 9 млн т. Спектр заявленной продукции – от мазута и дизтоплива (уже выпускаются), до бензина стандарта «Евро-5» (в перспективе). Все НПЗ работают на привозном сырье, все

---

²⁸ Проект Стратегии социально-экономического развития Кемеровской области на период до 2035 года. С. 79. URL: <http://кузбасс-2035.рф/discussion> (дата обращения: 20.07.2018).

²⁹ URL: <http://www.gazprom.ru/about/production/extraction/metan/> (дата обращения: 25.12.2017).

³⁰ Официальный интернет-сайт департамента промышленности Администрации Кемеровской области. URL: <http://kemdep.ru/deyatelnost/promyshlennyj-kompleks/neftepererabatyvayushchaya-promyshlennost> (дата обращения: 23.12.2017).

³¹ URL: <http://energo-news.ru/archives/47633> (дата обращения 18.02.2017).

³² URL: <http://kuzbass85.ru /2017/09/01/dinamichno-razvivayushhayasya-otrasl/> (дата обращения: 12.03.2018).

расположены рядом с Транссибирской железнодорожной магистралью и федеральной автотрассой М-53, что важно для обеспечения связи с потребителями готовой продукции.

Добыча и переработка угольного метана. Метан угольных пластов был признан самостоятельным полезным ископаемым и внесен в Общероссийский классификатор полезных ископаемых и подземных вод в ноябре 2011 г. Мировые запасы метана угольных пластов, по экспертным оценкам, превышают запасы природного газа³³ и составляют 260 трлн м³. Прогнозные ресурсы метана³⁴ в основных угольных бассейнах России составляют 83,7 трлн м³. Кузнецкий угольный бассейн – крупнейший из наиболее изученных метаноугольных месторождений мира с запасами 13 трлн м³. Таким образом, есть объективные предпосылки для ведения крупномасштабной добычи метана на территории Кемеровской области как самостоятельного ископаемого.

С начала 2000-х годов ПАО «Газпром» при поддержке региональных властей реализует в Кузбассе проект по отработке технологии добычи угольного метана, рассматривая это направление как часть своей стратегии расширения ресурсной базы³⁵. В 2010 г. компания запустила на Талдинском месторождении первый в России промысел по добыче угольного газа. Утвержденные запасы метана здесь составляют 74,2 млрд м³. Начато также освоение Нарыкско-Осташкинской площади Южно-Кузбасской группы месторождений, ресурсы которой предварительно оцениваются³⁶ в 800 млрд м³. По информации на середину 2016 г., инвестиции ПАО в метановый проект составили около 7 млрд руб., количество добытого в Кузбассе угольного газа³⁷ приблизилось к 50 млн м³, причем он уже используется для выработки электроэнергии и в качестве моторного топлива. В перспективе «Газпром» планирует строительство в регионе двух заводов по производству сжиженного газа, поскольку ожидается, что метан станет товарным продуктом «для реализации

---

³³ URL: <https://neftegaz.ru/science/view/780-Ugolnyj-metan-perspektivy-dobychi-i-ispolzovaniya> (дата обращения: 25.01.2018).

³⁴ URL: <http://www.gazprom.ru/about/production/extraction/metan/> (дата обращения: 22.02.2018).

³⁵ URL: <http://www.gazpromquestions.ru/production> (дата обращения: 18.01.2017).

³⁶ URL: <http://www.gazprom.ru/about/production/extraction/metan/> (дата обращения: 22.02.2018).

³⁷ URL: <http://tass.ru/opinions/interviews/3562954> (дата обращения: 01.09.2016).

в сжиженном виде, для подачи в систему трубопроводов или для выработки электроэнергии»³⁸.

По оценкам компании, ежегодный уровень добычи на первоочередных площадях к началу 2020-х гг. выйдет на 4 млрд м³. Это позволит, в частности, заместить природный газ в производственном цикле местных предприятий, включая химические производства. В долгосрочной перспективе стабильный уровень добычи метана в Кузбассе должен достичь 18–21 млрд м³ в год. В конечном итоге промышленная добыча метана из угольных пластов способна не только повысить безопасность работы на шахтах, улучшить экологическую обстановку, но и стимулировать в регионе развитие газохимической отрасли.

Экономика знаний. «Уголь» – это примерно треть ВРП Кемеровской области (табл. 2). Еще около 10–15% ВРП, по нашим оценкам, создаётся в других отраслях кузбасской экономики либо по «заказам угольного бизнеса», либо «на угольные деньги». И только 55–60% ВРП региона обеспечивают отрасли, не связанные с добычей угля и его потреблением в цепочках добавленной стоимости.

Таблица 2. Структура ВРП, произведенного в Кемеровской области в 2016 г.

Сектор экономики (вид экономической деятельности)	%
Промышленность – всего	51,3
В том числе:	
добыча топливно-энергетических полезных ископаемых	29,1
химическая промышленность	1,9
производство кокса и нефтепродуктов	0,9
металлургическое производство и производство готовых металлоизделий	8,3
Машиностроение	2,1
производство и распределение электроэнергии, газа и воды	5,0
Агропродовольственный комплекс (сельское хозяйство, пищевая промышленность)	5,5
Строительный комплекс (строительство, производство стройматериалов)	4,3
Экономика знаний – всего	8,96
В том числе:	
научные исследования и разработки*	0,20
образование	3,49
Здравоохранение	4,89
деятельность, связанная с использованием ВТ и ИТ*	0,38

³⁸ Лавренков И. «Газпром» спустится в шахту // Коммерсантъ (Новосибирск). № 94 (30.05.2017). URL: <https://www.kommersant.ru/doc/3311700> (дата обращения: 12.03.2018).

Окончание табл. 2

Сектор экономики (вид экономической деятельности)	%
Транспорт и связь	7,6
Оптовая и розничная торговля	9,6
Гостиницы и рестораны	0,9
Финансовая деятельность	0,3
Государственное управление	5,7
Прочие отрасли	8,3

Примечание: * выделены из «операций с недвижимостью».

Источник: рассчитано авторами по утвержденным данным Кемеровостата.

Важным упущенным конкурентным преимуществом региона является уровень развития «экономики знаний»³⁹. Она создает в Кемеровской области всего 8,96% ВРП (оценка 2016 г.) (в Новосибирской области – 16% [Кулешов, Крюков, 2015. С. 26]), в среднем по России – 15% (2015 г.) [Аганбегян, 2016]. В Западной Европе такие показатели находятся на уровне 35%, а в США – на уровне 40% [Аганбегян, 2016].

Однако в Кузбассе есть хороший потенциал наращивания уровня развития этого сектора. Помимо уже упоминавшегося научного центра РАН по проблемам угля и углехимии, можно отметить резервы, связанные с развитием системы высшего образования, с перспективами Кузбасского технопарка. Кроме того, напомним, что еще в 1990-е гг. Кемеровская область существенно опережала соседние регионы по уровню развития здравоохранения, а по таким направлениям, как онкология, сердечно-сосудистая хирургия, психиатрия, травматология была в числе российских лидеров. Необходимо восстановить этот потенциал. Наконец, большие надежды связаны с развитием созданного в регионе биомедицинского кластера⁴⁰, в рамках которого планируется организация производства нескольких видов инновационной продукции: инфузионных растворов в полимерных контейнерах,

³⁹ Исходя из классификации народного хозяйства по видам экономической деятельности, сюда относятся образование, здравоохранение и выделенные из «операций с недвижимостью» научная деятельность и разработки, а также деятельность, связанная с использованием вычислительной техники и информационных технологий. Признавая наличие различных подходов к определению и измерению «экономики знаний» (подробный анализ см., напр. [Инновационный вектор., 2011]), мы придерживаемся позиции акад. А. Г. Аганбегяна: см. [Аганбегян, 2009].

⁴⁰ Программа развития биомедицинского кластера Кемеровской области на период 2012–2020 гг. URL: <http://docs.cntd.ru/document/441615283>; Биомедицинский кластер Кемеровской области. URL: <http://clusters.monocore.ru/cluster/42> (дата обращения: 15.01.2018).

глазных лечебных ионообменных линз на основе полимерного гидрофильного материала, хирургического шовного материала с антитромботическими и противовоспалительными свойствами, противоспаечных мембран для профилактики послеоперационных осложнений, хром-кобальт коронарных стентов и др.

Агропромышленный комплекс. Для Кемеровской области: продовольствие – это не столько доля сельского хозяйства в ВРП (2013–2016 гг. – около 4%), сколько треть благосостояния ее жителей по затратам. Удельный вес конечного потребления домашних хозяйств в регионе превышает 60% ВРП, так что продовольствие обеспечивает не менее 20% ВРП, произведенного в Кемеровской области⁴¹. К сожалению, во многом это привозное продовольствие: самообеспеченность региона в базовых продуктах питания слишком часто не «дотягивает» до уровня, рекомендуемого Доктриной продовольственной безопасности РФ⁴² (табл. 3).

Таблица 3. Уровень самообеспечения сельскохозяйственной продукцией в Кемеровской области в 2007-2016 гг., %

Продукция	Пороговые значения*	2007	2012	2016
Зерно	Не менее 95	135,2	61,1	90,2
Картофель	Не менее 95	96,1	87,5	108,4
Овощи	Не менее 90	80,1	90,9	98,9
Мясо / мясопродукты	Не менее 85	40,4	43,4	47,1
Молоко / молокопродукты	Не менее 90	65,9	57,0	58,1
Яйца	-	102,9	108,6	144,2

Источник: расчетная часть составлена по [Васильев, Шамина, 2015].

Примечание: * – согласно Доктрине продовольственной безопасности РФ, удельный вес внутреннего рынка соответствующих продуктов должен иметь указанные пороговые значения.

В настоящее время в сельскохозяйственных организациях Кемеровской области работает немногим более 13 тыс. чел. Если следовать рекомендациям доктрины, только по животноводству необходимо увеличение валового выпуска более чем в два раза, что потребует значительно роста объемов и в растениеводстве. По мнению экспертов, при таком исходе занятость в АПК должна вырасти почти вдвое – до 25 тыс. чел. Это позволит создать до-

⁴¹ Метод расчётов заимствован из [Аганбегян, 2017].

⁴² Доктрина продовольственной безопасности Российской Федерации. URL: <http://base.garant.ru/12172719/> (дата обращения: 19.01.2018).

полнительно еще 125–150 тыс. рабочих мест в смежных отраслях (от переработки и транспортных услуг до производства сельхозтехники и запчастей). Рост объемов производства в секторе даст возможность решить проблему продовольственной безопасности региона, повысить доходы сельхозпроизводителей, обеспечить спрос на товары и услуги сопряженных отраслей, увеличить налоговую базу и пр. и в конечном счете приведет к росту ВРП региона в целом.

Кооперация с сибирскими «инновационными» регионами. «Гипертрофированная сегодня конкуренция регионов за федеральные ресурсы и внимание федеральной власти существенно ослабляет возможности реализации межрегиональных проектов и стратегических инициатив» [Кулешов, Селиверстов, 2017]. В 2014–2015 гг. ИЭОПП СО РАН активно работал над стратегиями развития Томской и Новосибирской областей [Томская область... 2014; Кулешов, Селиверстов, 2015; Кулешов, Крюков, 2015; Селиверстов, 2016]. Эти регионы за последнее десятилетие добились существенных результатов в диверсификации экономики, Новосибирская область занимает 26-е место в рейтинге (2017 г.) российских регионов по качеству жизни (Кемеровская область – 56-е место)⁴³. Кузбассу, безусловно, следовало бы перенять опыт соседей в сфере стратегического планирования и реиндустриализации, а также более тесно сотрудничать в рамках реализации совместных проектов, направленных на удовлетворение потребностей экономики и населения Сибири.

***

Стратегия «Кузбасс-2035», по нашему убеждению, должна помочь провести ребрендинг Кемеровской области и сменить имидж региона с замкнутого, «загнанного в уголь» на открытый, «растущий на угле». В этом нам видится основной посыл необходимых преобразований, нацеленных на повышение привлекательности Кузбасса для людей и бизнеса.

Следует оздоровить экономику области, переосмыслить базовые институты, сформировать систему конкурентных преимуществ региона. Гармоничное сочетание драйверов ро-

---

⁴³ Рейтинг российских регионов по качеству жизни – 2017. URL: <https://ria.ru/infografika/20180214/1514552265.html> (дата обращения: 14.03.2018).

ста в различных секторах экономики при условии грамотного управления сырьевым и несырьевым потенциалом территории и ускорения процесса инновационной модернизации региона, по нашему мнению, должны стать стержнем новой Стратегии развития Кемеровской области на период до 2035 года.

Литература

Аганбегян А.Г. Кризис: беда и шанс для России [Текст]. М.: Астрель, 2009. 285 с.

Аганбегян А.Г. Как преодолеть стагнацию и восстановить экономическое развитие [Текст] // ЭКО. 2016. № 2. С. 5–14.

Аганбегян А.Г. Сельское хозяйство – локомотив социально-экономического роста России [Текст] // ЭКО. 2017. № 5. С. 5–22.

Васильев К.А., Шамин А.Е. Кластер как основа устойчивого развития АПК региона (на материалах Кемеровской области) [Текст]. М: Изд-во Ирбис, 2015. 218 с.

Инновационный вектор экономики знаний [Текст] / Науч. ред. Г.А. Унтура, А.В. Евсеенко и др. Новосибирск: СО РАН, 2011. 279 с.

Казаков В.Б., Калачева Л.В., Петров И.В., Сурат И.Л. Развитие угольной промышленности в условиях создания высокопроизводительных рабочих мест, перехода на наилучшие доступные технологии и импортозамещения [Текст] // Уголь. 2017. № 6. С. 48–50.

Кулешов В.В., Крюков В.А. Реиндустриализация Новосибирской области – учитывать общее, развивать особенное [Текст] // ЭКО. 2015. № 10. С. 5–29.

Кулешов В.В., Селиверстов В.Е. Роль Сибири в пространственном развитии РФ [Текст] // Регион: экономика и социология. 2017. № 4 (96). С. 3–24.

Курбатова М.В., Левин С.В., Апарина Н.Ф. Взаимодействие власти и бизнеса на муниципальном уровне: практики, сложившиеся в Кемеровской области [Текст] // Экономическая социология. 2005. Т. 6. № 2. С. 50–68.

Никитенко С.М., Гоосен Е.В. Цепочки добавленной стоимости как инструмент развития угольной отрасли [Текст] // ЭКО. 2017. № 9. С. 104–124.

Ресурсная модель модернизации экономики: возможности и ограничения [Текст] / Под ред. В.Б. Кондратьева. М.: ИМЭМО РАН, 2016. 326 с.

Ресурсные регионы России в «новой реальности» [Текст] / Под ред. В.В. Кулешова. Новосибирск: ИЭОПП СО РАН, 2017. 308 с.

Селиверстов В.Е. Региональное стратегическое планирование: от методологии к практике [Текст] / Отв. ред. В.В. Кулешов. Новосибирск, 2013. 435 с.

Селиверстов В.Е. Сибирская школа стратегического планирования [Текст] / Под ред. В.В. Кулешова. Новосибирск: ИЭОПП СО РАН, 2016. 199 с.

Томская область: трудный выбор своего пути [Текст] / Отв. ред. В.В. Кулешов. Новосибирск: Изд-во ИЭОПП СО РАН, 2014. 259 с.

Фридман Ю.А., Логинова Е.Ю., Речко Г.Н. Кузбасс в поисках новой парадигмы развития: промышленные кластеры [Текст] // Вестник Кузбасского государственного технического университета. 2016. № 2 (114). С. 135–146.

Фридман Ю. А., Логинова Е. Ю., Речко Г. Н. Нужен ли Кузбассу «экономический ребрендинг»? К разработке новой стратегии социально-экономического развития Кемеровской области [Текст] // ЭКО. 2017. № 9. С. 85–103.

Фридман Ю. А., Речко Г. Н., Логинова Е. Ю. Основные «точки роста» экономики Кемеровской области [Текст] // Региональное и муниципальное управление: диагностика, планирование и мониторинг социально-экономического развития регионов Сибири / Под ред. А. С. Новоселова, В. Е. Селиверстова. Новосибирск: Изд-во ИЭОПП СО РАН, 2016. Гл. 11. С. 359–372.

Фридман Ю. А., Речко Г. Н., Логинова Е. Ю. Современная кузбасская экономическая модель: вызовы и риски [Текст] // Вестник Кузбасского государственного технического университета. 2017. № 2 (120). С. 170–181.

Фридман Ю. А., Речко Г. Н., Пимонов А. Г. Конкурентные позиции региона в условиях инновационного развития экономики [Текст] // Регион: экономика и социология. 2016. № 4 (92). С. 218–236.

Статья поступила 09.10.2018.

Summary

Kryukov V.A., Fridman Yu.A., Rechko G.N., Loginova E. Yu. Institute of Economics and Industrial Engineering, SB RAS, Novosibirsk

The KUZBASS-2035 Strategy: In Harmony with Coal

The article claims that Kuzbass as a resource region, needs to build its economy on the principles of resource regions' development with regard to local peculiarities. Authors analyze the possibilities of innovative transformation of the coal industry, approve its high potential to be a driver of innovative development of the overall economy in Kuzbass. The principal directions of this influence through coal industry are allocated. The prospects of formation of a carbon-chemical cluster are considered. The potential of other sectors that can have a significant impact on overall economic growth (oil refining, methane recovery, tourism, agriculture, knowledge economy, etc.) is discussed. The article shows that, in order to meet all the goals and objectives of the long-term Kuzbass-2035 Strategy, the region requires a model of sequential and methodical creation of high-tech economy based on using the region's potential and competitive advantage to full advantage.

Kuzbass; resource region; model territory; raw materials industries; coal industry; development strategy and institutions; coal mining; growth drivers

References

Aganbegyan A. G. (2009) Krizis: beda i shans dlya Rossii. Moscow, Astrel' Publ., 285 p. (In Russ.).

Aganbegyan A. G. (2016) Kak preodolet' stagnatsiyu i vosstanovit' ekonomicheskoe razvitiye. *ECO [ECO]*. No 2. Pp. 5–14. (In Russ.).

Aganbegyan A. G. (2017) Sel'skoe khozyaistvo – lokomotiv sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiya rosta Rossii. *EKO [ECO]*. No 5. Pp. 5–22. (In Russ.).

Vasil'ev K. A., Shamin A. E. (2015) Klaster kak osnova ustoichivogo razvitiya APK regiona (na materialakh Kemerovskoy oblasti). Moscow, Irbis Publ., 218 p. (In Russ.).

Untura G. A., ed. (2011) Innovatsionnyy vektor ekonomiki znaniy. Novosibirsk, SO RAN Publ., 279 p. (In Russ.).

Kazakov V.B., Kalacheva L.V., Petrov I.V., Surat I.L. (2017) Razvitiye ugolnoy promyshlennosti v usloviyakh sozdaniy vicokoproizvoditelnykh rabochnykh mest, perehoda na nailuchshie dostupnye tehnologii i importozameshchenie. *Ugol' [Coal]*. No. 6. Pp. 48–50. (In Russ.).

Kuleshov V.V., Kryukov, V.A. (2015) Reindustrializatsii Novosibirskoy oblasti – uchityvat' obshchee, razvivat' osobennoe. *ECO [ECO]*. No. 10. Pp. 5–29. (In Russ.).

Kuleshov V.V., Seliverstov V.E. (2017) Rol' Sibiri v prostranstvennom razvitiy Rossii i ee pozitsionirovanie v strategii prostranstvennogo razvitiya RF. *Region: ekonomika i sotsiologiya [Region: Economics and Sociology]*. No. 4 (96). Pp. 3–24. (In Russ.).

Kurbatova M.V., Levin S.V., Aparina N.F. (2005) Vzaimodeystvie vlasti i biznesa na munikhpal'nom urovne: praktiki, slokhivshiysya v Kemerovskoy oblasti. *Ekonomicheskaya sotsiologiya [Economic Sociology]*. No. 2. Pp. 50–68. (In Russ.).

Nikitenko S.M., Goosen E.V. (2017). Tsepochki dobavlennoy stoimosti kak instrument razvitiya ugol'noy otrasli. *ECO [ECO]*. No. 9. Pp. 104–124. (In Russ.).

Kondrat'ev V.B., ed. (2016) Resurnaya model' modernizatsii ekonomiki: vozmozhnosti i ogranicheniya. Moscow, IMEMO RAN Publ., 326 p. (In Russ.).

Kuleshov V.V., ed. (2012) Resursnyye regiony Rossii v “novoj real'nosti”. Novosibirsk, IEOPP SO RAN Publ., 308 p. (In Russ.).

Seliverstov V.E. (2013) Regional'noe strategicheskoe planirovanie: ot metodologii k praktike. Novosibirsk, IEOPP SO RAN Publ., 435 p. (In Russ.).

Seliverstov V.E. (2016) Sibirskaya shkola strategicheskogo planirovaniya. Novosibirsk, IEOPP SO RAN Publ., 200 p. (In Russ.).

Kuleshov V.V., ed. (2014) Tomskaya oblast': trudnyy vybor svoego puti. Novosibirsk, IEOPP SO RAN Publ., 259 p. (In Russ.).

Friedman Yu.A., Loginova E. Yu., Rechko G.N. (2016) Kuzbass v poiskakh novoy paradigmy razvitiya: promyshlennyye klasteryy. *Vestnik Kuzbasskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta [The bulletin of the Kuzbass State Technical University]*. No. 2 (114). Pp. 135–146. (In Russ.).

Friedman Yu.A., Loginova E. Yu., Rechko G.N. (2017) Nuzhen li Kuzbassu “ekonomicheskyy rebrending”? K razrabotke novoy strategii sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiya Kemerovskoy oblasti. *ECO [ECO]*. No. 9. Pp. 85–103. (In Russ.).

Friedman Yu.A., Rechko G.N., Loginova E. Yu. (2016) Osnovnyye “tochki rosta” ekonomiki Kemerovskoy oblasti. In: Regional'noe i munikhpal'noe upravlenie: diagnostika, planirovanie i monitoring sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiya regionov Sibiri. Novosibirsk, IEOPP SO RAN Publ., Pp. 359–372. (In Russ.).

Friedman Yu.A., Rechko G.N., Loginova E. Yu. (2017) Sovremennaya kuzbasskaya ekonomicheskaya model': vyzovy i riski. *Vestnik Kuzbasskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta [The bulletin of the Kuzbass State Technical University]*. No. 2 (120). Pp. 170–181. (In Russ.).

Friedman Yu.A., Rechko G.N., Pimonov A.G. (2016) Konkurentnyye pozitsii regiona v usloviyakh innovatsionnogo razvitiya ekonomiki [Competitiveness of a region under the innovative economic development]. *Region: ekonomika i sotsiologiya [Region: Economics and Sociology]*. No. 4 (92). Pp. 218–236. (In Russ.).